

П. Н. Ткачев

Сочинения в двух томах

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
П11

П11 **П. Н. Ткачев**
Сочинения в двух томах: Том 1 / П. Н. Ткачев – М.: Книга по Требованию,
2012. – 651 с.

ISBN 978-5-458-23905-9

В первом томе собрания сочинений помещены произведения по философии, социологии, эстетике, педагогике и т. д., написанные П. Н. Ткачевым на родине в 60 - начале 70-х годов прошлого века. Значительная часть этих работ была напечатана лишь в журналах. В приложении даются юношеские стихи П. Н. Ткачева из его рукописного наследия.

ISBN 978-5-458-23905-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

стью набросились на него». Книжки возбуждали новые мысли, с зампраннем сердца ожидали юные читатели выхода каждой новой книжки, журнала. «И никогда «гимпазисты» и «семпнарпсты» не жили еще такой полной, сосредоточенной и рвущейся вперед умственной жизнью, как в эту «достопамятную эпоху»» (II, 293).

Конечно, не только чтение книг и журналов имело влияние на духовное развитие учащейся молодежи. «Крестьянский вопрос и денежный кризис, — писал Ткачев, — были для нас спасительным разочарованием, они вывели нас из спокойного и самодовольного созерцания той трясипы, которую мы принимали за прелестнейший пейзаж» (II, 224).

Стихотворения, которые начал писать Ткачев-гимпазист⁴⁻⁵, свидетельствуют о серьезных раздумьях о современной действительности, о судьбах России и Европы, о революционных попытках прошлого и настоящего. В них звучит и навеянное окружающими революционными событиями, в частности восстанием Гарибальди, ожидание близких перемен, и как отклик на запрещенные стихотворения А. С. Пушкина (ода «Вольность» и «К Чаадаеву») призыв немедленно покончить с пенавистным прошлым, и опасение, как бы трагическая история революционных попыток народа в прошлом не повторилась, и пессимистические раздумья о смысле жизни, о возможности и необходимости поиска истицы, о пользе знания и т. д.

Безусловно, вся эта лихорадочная работа мысли искала какого-то деятельного исхода. В 1861 г., не окончив гимназии, из пятого класса, он сдает экзамены в Петербургский университет и становится студентом юридического факультета.

Занятия повонспеченного студента продолжались не более недели, так как 12 октября во время студенческих «беспорядков» он был арестован. Однако университетская среда, само участие в студенческих сходках и спорах оказали огромное влияние на семнадцатилетнего Ткачева. А двухмесячное заключение сначала в Петропавловской, а затем в Кронштадтской крепости, куда отправили на пароходах основную массу арестованных студентов,

⁴ Юношеские стихотворения Ткачева публикуются в приложении к настоящему тому.

безусловно, значительно продвинули вперед революционное воспитание Ткачева, стали для него первым революционным крещением.

Вызванные отнюдь не политическими причинами, студенческие волнения приобрели политический характер, стали составной частью революционной ситуации. Это было, как писал Ф. Энгельс, «первое серьезное движение среди студентов, тем более опасное, что народ повсюду был в сильном возбуждении вследствие освобождения крепостных крестьян»⁶.

«Изгнанники науки» чувствовали себя героями дня, в центре событий, верили, что они «начинают новую эпоху». И этому способствовали не только «дальнее благословение» А. И. Герцена и Н. П. Огарева, но и серьезное внимание и поддержка, оказанные студенческому движению признанным главой революционной России Н. Г. Чернышевским и его соратниками. Именно к молодежи была обращена одна из первых прокламаций — прокламация Н. В. Шелгунова и М. Л. Михайлова «К молодому поколению», распространявшаяся как раз в самом начале студенческих волнений. «Молодое поколение!.. — говорилось в ней. — Не забывайте того, что мы обращаемся к вам по преимуществу, что только в вас мы видим людей, способных пожертвовать личными интересами благу всей страны. Мы обращаемся к вам потому, что считаем вас людьми, более всего способными спасти Россию, вы — настоящая ее сила, вы вожаки народа...»⁷

С горькой иронией вспоминал Ткачев о настроениях его сверстников: «Страшное и глупое это было время: детей считали чуть не «солью земли», в них видели вождей, предназначенных вести нас в обетованную землю. И всего забавнее то, что сами дети вообразили, будто они призваны к этому, будто эта миссия именно по их силам» (II. 225).

Но так писал Ткачев десять лет спустя, а в конце 1861 г., выйдя из крепости, по словам его сестры, «он находил, что для обновления России необходимо уничтожить всех людей старше 25 лет. Через несколько времени он отказался от этого человекоубийственного плана, но все-таки находил, что ради общего блага не только мож-

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 554.

⁷ Цит. по: «Народническая экономическая литература. Избранные произведения». М., 1958, стр. 86.

но, но даже должно жертвовать отдельными личностями»⁸. Неправдоподобность этого запальчивого заявления, казалось, можно бы отнести на счет розыгрыша по отношению к сестре, если бы оно, по-видимому, не являлось логическим продолжением известных положений той же прокламации Шелгунова и Михайлова. «Если,— писали они,— для осуществления наших стремлений — для раздела земли народом — пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы и этого. И это вовсе не так ужасно»⁹.

Этот пример весьма ярко показывает характер восприятия Ткачевым лозунгов его революционных наставников. Юноша Ткачев был примерным учеником, усвоившим сполна и дух и букву прокламации и не останавливающимся ни перед какими, пусть даже абсурдными, следствиями из ее положений. Он принадлежал к тем «детям», которые в своей дальнейшей деятельности не изменили своим юношеским стремлениям в угоду «житейской мудрости» и остались верными знамени, на котором с тех пор было написано: «Земля и воля». «В течение всей своей литературной деятельности,— писал Ткачев в 1874 г.,— я постоянно вращался среди нашей молодежи, среди наших «детей». Я сам принадлежу к этому поколению, я переживал с ним его увлечения и ошибки, его верования и надежды, его иллюзии и разочарования, и каждый почти удар, который наносила ему свирепая реакция, отражался на мне или непосредственно, или в лице моих близких товарищей и друзей; с гимназической скамьи я не знал другого общества, кроме общества юношей, то увлекавшихся студенческими сходками, то таинственно конспирирующих, то устраняющих воскресные школы и читальни, то заводящих артели и коммуны, то опять хватающихся за народное образование, за идею сближения с народом, и опять, и опять конспирирующих; я всегда был с ними и среди них — всегда, когда только меня не отделяли от них толстые стены каземата Петропавловской крепости...» (III, 58)

Вся последующая революционная деятельность Ткачева в 60-е годы подтверждает справедливость этой самооценки.

⁸ А. Анненская. Из прошлых лет. — «Русское богатство», 1913, № 1, стр. 62.

⁹ «Народническая экономическая литература...», стр. 89.

Мы не знаем, к сожалению, фактической стороны этой деятельности. Известно только, что по выходе из Кронштадтской крепости (6 декабря 1861 г.) оставленный в Петербурге на поруки матери юноша Ткачев усиленно занимается самообразованием, ходит в публичную библиотеку. Поэтому нам приходится снова обратиться к его стихам, содержание которых не оставляет сомнения в истинном направлении его стремлений. «Революционный демократизм, вера в крестьянскую революцию, пафос любви к народу и непоколебимая уверенность в светлом будущем, исторический оптимизм — таковы основные идейные черты стихотворных опытов Ткачева», — заключает Н. Ф. Бельчиков, специально исследовавший его юношеские стихотворения¹⁰. Написанные по следам событий, волновавших тогдашнюю молодежь, посвященные его революционным наставникам и товарищам по борьбе, стихотворения эти являются как бы документальным выражением революционного действия молодого Ткачева, подлинная картина которого скрыта от нас временем. В этом своеобразном поэтическом дневнике мы находим отклики на гражданскую казнь М. Л. Михайлова, на годовщину восстания декабристов, на закрытие «Вольного университета» (активным слушателем которого был Ткачев) и высылку проф. Павлова, на аресты революционеров, посещение народных гуляний и празднеств. В итоге этой стихотворной исповеди Ткачева провозглашается собственная программа революционного действия:

Нет, не смиренность, не любовь
Освободят нас от оков,
Теперь нам надобен топор,
Нам нужен пожар — чтоб свой позор
Смыть кровью притеснителей!..
Мы будем рушить, рушить все,
Не пощадим мы ничего!
Что было создано веками,
Мы сломим мощными руками
И грязью в идол ваш священный
Рукою бросим дерзновенной!
Мы сроем церковь и дворец,
Пусть с рабством будет и конец
Всему отжившему, гнилому,
Пусть место новому, живому
Очистит наше разрушенье...

¹⁰ Н. Бельчиков. Стихотворные опыты П. Н. Ткачева. — «Русская литература», 1958, № 4, стр. 185.

Такова экстремистская «программа» Ткачева в начале апреля 1862 г., т. е. к тому времени, когда его участие в революционном подполье раскрывается нам уже по полицейским дознаниям о так называемом кружке Л. Ольшевского¹¹.

Студент Московского университета поляк Леонид Ольшевский, во время студенческих волнений оказавшийся в Петербурге, был посажен в Кронштадтскую крепость, где и познакомился с Ткачевым. Высланный под надзор полиции на родину, он как раз в апреле 1862 г. самовольно вернулся в Петербург. В июле в руки полиции попали неопровержимые свидетельства противоправительственной деятельности Ольшевского — два варианта рукописной прокламации «К русскому народу (рассказ дяди Кузьмича)».

Даже поверхностное сличение прокламации со стихотворением Ткачева «Христово воскресенье», отрывок из которого приведен выше, обнаруживает поразительное идейное созвучие обоих произведений, порой кажется, что прокламация — развернутое прозаическое переложение стихотворения. Был или не был Ткачев автором (или соавтором) «К русскому народу»¹², для нас важно это созвучие, то что прокламация отражала и его взгляды, а не взгляды одного Ольшевского, признавшего авторство на следствии.

Написанная после появления «Молодой России» и, по признанию самого Ольшевского, под ее непосредственным влиянием, прокламация «К русскому народу» тем не менее была оригинальным произведением подпольного слова. Недаром исследователи, находя в ее содержании влияние почти всех крупных революционных изданий того времени¹³, все же отмечают в ее программных положениях такие моменты, которых не было у ее предшественников, например призыв к топору: «Нужно только погадать, порассудить, умом-разумом пораскинуть, да топор

¹¹ Некоторые документы из дела Ольшевского опубликованы в сб. «Русско-польские революционные связи», т. 1. М., 1963, стр. 157—169.

¹² Б. П. Козьмин высказывал сомнение в том, что Ольшевский мог быть автором прокламации, предполагая, что им мог быть Ткачев.

¹³ «Молодой России» Зайчневского и Аргиропуло, «Что нужно народу?» Огарева, «Что надо делать войску» Огарева (при участии Н. Н. Обручева) и «К солдатам» Шелгунова.

в руки — п валяй всех угнетателей»¹⁴. В прокламации «К русскому народу» нет ярко выраженного якобинизма «Молодой России», все надежды еще возлагаются на народное восстание, которое близко, хотя в заключительных словах прокламации можно услышать намек на то, что инициатива, сигнал к восстанию должны, по-видимому, исходить не от народа. Но уже в стихотворении Ткачева «Друзьям (в 1862 году)», последнем в его тетради, написанном к тому же сразу после ареста Ольшевского, эти тенденции выражены более определенно.

И еще одно обстоятельство характеризует направление кружка, к которому принадлежал Ткачев, — мысль о цареубийстве.

Революционные подпольные связи Ткачева также были значительно шире лиц, привлекавшихся по «делу Ольшевского». Среди его близких друзей, дружбу с которыми он сохранил и в последующие годы, находим: Е. Печаткина — знакомого Н. Г. Чернышевского, члена комитета Петербургского отделения Литературного фонда, судившегося по делу Баллода, в последующем демократического издателя, члена издательской артели и других предприятий каракозовцев, издателя «Самоучителя» Худякова; офицера Я. Ушакова, приговоренного к расстрелу (замененному впоследствии каторгой) за пропаганду «Молодой России» среди рабочих воскресных школ; студента Пиотровского — близкого знакомого Н. Г. Чернышевского; Л. Самарина — отданного в солдаты за попытку принять участие в Польском восстании; Т. Плаксина — активного участника петербургских конспираций, укрывавшего на своей квартире поляков, бежавших из тюрьмы, и многих других.

Царским сатрапам, по-видимому, некогда было разбираться в хитросплетениях подпольных связей многочисленных арестантов, схваченных ими по малейшему подозрению во время жестокого террора 1862 г. Во всяком случае Ткачева, арестованного в ноябре 1862 г. только за то, что в квартире Ольшевского нашли его записку: «Был и не застал дома», — в ходе следствия обвиняли лишь в том, что он знал о прокламации «Меры правительства для успокоения Польши» и не донес «кому следует», хранил у себя стихи преступного содержания и два экземпляра программного документа «Земли и воли» — прокламации

¹⁴ «Русско-польские революционные связи», т. 1, стр. 161.

Н. П. Огарева «Что нужно народу?» (которые оказались при аресте в кармане у Ткачева).

Но с этого времени власти предержащие как бы берут за правило выдерживать его в крепости ежегодно: так из-под следствия его выпускают лишь в феврале 1863 г., в ноябре 1864 г. сажают уже по приговору сената на три месяца, выпустив только в феврале 1865 г., наконец после выстрела Каракозова в 1866 г. сажают уже без каких-либо объяснений. Но и выпуская Ткачева из крепости, власти не оставляют его в покое: постоянный негласный надзор, слежка, обыски, неожиданные вызовы на допросы по делам других неблагонадежных и подследственных, кратковременные аресты...

Следы этого «внимания» сохранили для нас фрагменты подпольной деятельности Ткачева в первой половине 60-х годов: то он, выйдя из крепости в 1863 г., попытается восстановить подпольные связи¹⁵, то, выйдя из крепости в 1864 г., участвует в сходках студентов на квартире помощника редактора журнала «Русское слово» Троицкого после исключения нескольких студентов из университета¹⁶, то его арестовывают вместе со студентами во время попытки сорвать премьеру антиингилистской оперетки «Проказы студентов» в Александрийском театре¹⁷, то он устраивает литературный вечер в пользу бесплатной школы П. В. Михайлова¹⁸, то конспиративные встречи для связи каких-то групп революционного подполья¹⁹... Перечень можно было бы продолжить. Но это только фрагменты, свидетельствующие на первый взгляд лишь о готовности Ткачева участвовать в любом проявлении протеста против современного ему порядка вещей.

Однако исследования советских историков последних лет, приоткрывших картину революционного подполья 60-х годов XIX в. в России, позволяют поставить (с надеждой на удовлетворительные ответы) некоторые напрашивающиеся вопросы о месте и роли в нем Ткачева. Безусловно, ответы на все эти вопросы требуют специального изучения. Назовем один из них, по-видимому главный, — это вопрос об отношении Ткачева к самой крупной

¹⁵ ЦГАОР, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 206, л. 7.

¹⁶ ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, ед. хр. 1495.

¹⁷ Там же, ед. хр. 1500.

¹⁸ См. письмо П. Ткачева И. Ф. Горбунову. — «Социализм И. Ф. Горбунова», т. III, ч. 1—4. СПб., 1907, стр. 75.

¹⁹ ЦГАОР, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 193.

революционной организации середины 60-х годов — организации Ишутина и Худякова, или, для краткости, каракозовской организации²⁰.

Близость Ткачева к каракозовцам во второй половине 60-х годов отмечалась и ранее его биографами, идейная близость очевидна после рассмотрения его программных установок начала 60-х годов. Впоследствии сам Ткачев называл Каракозова одним из главных героев революционной истории России²¹. Последние исследования советских историков, в частности Э. С. Виленской²², позволяют, нам кажется, поставить вопрос шире — о его прямом участии в каракозовских конспирациях.

Первое, что бросается в глаза, — это знакомство и тесные отношения Ткачева почти со всеми главными деятелями петербургской организации каракозовцев, пазванпыми Э. С. Виленской. Знакомство с Н. Д. Ножиным, умершим при страшных обстоятельствах перед самым покушением Каракозова, отмечается в «Записке о Ножиине» В. Н. Черкезова²³, близко стоявшего к центру организации Ишутина и Худякова и бывшего связным между последними. С другим активным деятелем каракозовцев и, по данным Виленской, еще первой «Земли и воли» — офицером П. В. Михайловым — Ткачев был связан на протяжении всех 60-х годов. Об активном участии его в делах бесплатной школы П. В. Михайлова мы уже упоминали. Сестра Ткачева Софья преподавала там, а в 1865 году она стала уже заведовать своей школой и швейной мастерской, выделившимися из школы Михайлова. Эти школа и мастерская помещались на квартире П. Н. Ткачева²⁴. В ней преподавали Михайлов и еще

²⁰ Другим таким вопросом мог бы стать вопрос об отношении Ткачева к первой «Земле и воле».

²¹ Примечательно, что во время обыска при аресте Ткачева в 1869 году по нечаевскому делу у него была найдена тетрадка под заглавием «Из тюремной жизни», в которой, как писалось в протоколе, «закключаются разные эпизоды по поводу казни Каракозова в смысле сочувствия злодею» (ЦГАОР, ф. 109, 3-я экспедиция, 1869 г., оп. 154, ед. хр. 109, ч. II, л. 87), а при обыске в типографии будущей жены Ткачева — А. Деметьевой, в которой была отпечатана его прокламация «К обществу», обнаружили портрет Каракозова (там же, ч. I, л. 10).

²² Назовем только ее книгу «Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.)». М., 1965.

²³ См. Э. С. Виленская. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.), стр. 323.

²⁴ ЦГАОР, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 379.

один активный деятель каракозовских конспираций, владелец книжного магазина и библиотеки В. В. Яковлев, который читал ученицам «какие-то книжки»²⁵. Заметим, что библиотека Яковлева была местом ночных конспиративных собраний каракозовцев, последнее из которых состоялось за день до покушения²⁶.

О прямом участии Ткачева в подпольной деятельности каракозовцев свидетельствует его письмо от 27 июня 1865 г., найденное у Л. Ольшевского при его втором аресте после выстрела Каракозова. Вот как передается содержание этого письма в протоколе обыска: «К кому оно писано, неизвестно; содержание его обращает на себя внимание в том отношении, что в нем ведется речь о каких-то несостоявшихся свиданиях Кемарского и Лапчинского с лицом, которому письмо писано. Для этих свиданий рекомендуется Михайлов, который будет посещать его регулярно каждую неделю и на которого, по выражению Ткачева, можно положиться. Михайлов, как видно из письма Ткачева, знает Печаткина и был в очень хороших отношениях с известным политическим преступником Баллодом»²⁷.

Вряд ли необходимо и дальше продолжать перечисление фактов, совпадений, переплетений знакомств, проливающих свет на деятельность Ткачева среди каракозовцев. Укажем только еще на две самодельные тетрадки, первая из которых называется «Список лиц, взявших книги»²⁸, а вторая содержит отчеты кухмистерской²⁹. Эти два на первый взгляд ничем не примечательных документа, отобранные вместе с многими другими бумагами Ткачева при обыске во время его ареста всего через неделю после покушения на царя, не обратили на себя внимания ни III отделения, ни позднейших исследователей. Между тем в них записано множество имен лиц, уже одно сопоставление которых, например, с известным био-библиографическим словарем «Деятели революционного движения в России» могло бы взволновать исследователя революционного подполья 60-х годов XIX в. Достаточно сказать, что среди них активные каракозовцы: братья Никольские,

²⁵ ЦГАОР, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 379.

²⁶ См. Э. С. Виленская. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.), стр. 366—370.

²⁷ ЦГАОР, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 193, л. 3.

²⁸ ЦГАОР, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 92.

²⁹ Там же, ед. хр. 104.

А. А. Штукенберг, Куколь-Яснопольский (владелец типографии, в которой был отпечатан «Самоучитель» Худякова), И. А. Рождественский (один из инициаторов создания «Издательской артели» — легального прикрытия караказовского подполья, кстати, близкий приятель Ткачева), известные уже нам Михайлов и Кемарский; что распространялись (именно распространялись, так как многие брали по несколько экземпляров) книги Дарвина, Фохта, Молешотта, Сеченова (распространялись также абонементы на его лекции), Пфейфера, Дрэпера, Ю. Жуковского, Оуэна (в переводе А. М. Никольского), Худякова, а само распространение относится как раз ко времени существования «Издательской артели»; что отчеты по содержанию кухмистерской подписывали те же А. М. Никольский и Штукенберг и т. д., — и станет совершенно ясно: в этих документах отражена деятельность караказовцев, а то, что они оказались у Ткачева, свидетельствует об участии его в этой деятельности.

Наконец, сам Ткачев, оценивая в 1878 г. деятельность некоторых революционных организаций 60-х годов, показывает, что он знает о караказовцах (ишутинцах) больше, чем это было известно к тому времени. «О размерах и деятельности ишутинской и нечаевской организаций мы не имеем права в настоящее время сообщать какие-нибудь иные сведения, кроме тех, которые раскрыты судебными процессами. Несомненно, однако же (в особенности по отношению к ишутинской организации), что в руки правительства в обоих случаях попала *только некоторая часть* лиц, принимавших участие (прямое или косвенное) в деятельности организации. Остальные совсем не были обнаружены; даже существенные улики добыты лишь против меньшинства лиц, привлеченных к дознанию, и только это меньшинство и было *судимо*» (III, 402)³⁰.

В свете всех этих фактов вполне закономерно, что после разгрома караказовцев Ткачев оказывается в рядах организаций, ставших их преемниками: «Рублевого общества», одним из основателей которого был Г. Лопатин, получивший, по его же собственным словам, поручение от Худякова восстановить прерванные связи и сохранить

³⁰ Напомним, что по делу Караказова из петербуржцев судились лишь три человека: Н. А. Худяков, А. М. Никольский и А. А. Кобылин.